

О Т З Ы В

официального оппонента на диссертацию К.В. Ображиева – «**Система формальных (юридических) источников российского уголовного права**», выполненную по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (587 машинописных страниц, включая библиографический список из 650 источников на 65 страницах и 7 приложений на 21 странице, автореферат – 61 страница, 63 авторских публикаций по теме исследования)

Уголовное право относится к числу древнейших, классических и деликатных отраслей юриспруденции. Последнее свойство продиктовано принудительным характером («гвардейской правоспособностью» – М.Е. Салтыков-Щедрин) правил по борьбе с преступностью. В этой сфере управления малейшие недочеты власти воспринимаются самым нетерпимым и болезненным образом. С появлением письменности реагирование на преступность и управление вообще базируются на текстах: с помощью письменной речи формулируются правила поведения, требования по их реализации и санкции за нарушения. Позже, познав ценность принципа разделения властей, наша цивилизация возложила полномочия по изготовлению нормативных актов именно на представительные учреждения, законно полагая, что выборный порядок их формирования, коллегиальность и гласность осуществления функций в наибольшей степени гарантируют население от просчетов, невежества, недобросовестности, давления сильных мира сего и пр. смертных грехов.

Опираясь на эту, в принципе безупречную логику мироустройства, Отечество пошло еще дальше. Уже более века единственным источником уголовной ответственности провозглашается лишь закон, а с 1996 года – только один («настоящий» УК); формально парламент стеснен в своих конституционных полномочиях, ибо обязан все нормативы по борьбе с

преступностью, попутно рождаемые при законодательном реагировании на другие сектора общественной жизни, переносить в текст УК, без чего их применять нельзя.

В таких условиях презюмируется высокое качество данного монографического акта. Отвечает ли этим ожиданиям действующий Уголовный кодекс? Скорее нет, чем да. Доводы общеизвестны: а) последний советский УК упразднен и по той причине, что за 36 лет функционирования в него было внесено около 700 изменений, однако 18 лет применения действующего кодекса потребовали в 5 раз больше поправок; б) в тексте УК РФ 1996 года есть 6 статей-рекордсменов, обновлявшихся по 7 раз; в) по отдельным аспектам борьбы с преступностью Федеральное Собрание РФ принимало прямо противоположные решения за незначительный промежуток времени (криминализация клеветы). Понятно, что при подобных масштабах и скоростях обновления базового документа по борьбе с преступностью он утрачивает свойство «внутренней» системности и «внешней» согласованности с актами иных отраслей права. На этой почве в отраслевой науке уже десятилетие идет напряженная дискуссия о судьбе УК – нужен ли новый кодекс или его обновленная редакция?

Но К.В. Ображиев идет дальше, ставит вопрос шире и глубже. А поможет ли стране системная реконструкция текста нынешнего УК или даже совершенно новая версия данного закона? Покроет ли самый изысканный текст одного нормативного акта все нюансы криминальных происшествий? Не надежнее ли осуществлять правоохранительную деятельность и уголовное правосудие с опорой на несколько разнокалиберных источников, страхующих от пробелов и естественного отставания от жизни базового закона? Если «*право есть равная мера к заведомо неравным людям и обстоятельствам*» (Ф. Энгельс), то дистанцию между буйно развивающейся безграничной жизнью и аскетичным застывшим текстом *закона* можно величать и пропастью.

Разумеется, различные варианты расширения круга регуляторов сферы противодействия преступности давно и плодотворно обсуждаются криминалистами: статус актов толкования уголовного закона Пленумом Верховного Суда РФ; проблема судебного усмотрения; диспозитивный метод в уголовном праве; допустимость расширительного толкования текста УК правоприменителями; если «настоящий кодекс (*уже*) основывается» на Конституции РФ и международных стандартах по борьбе с преступностью, можно ли считать последние источниками уголовного права; абсолютен ли запрет на аналогию хотя бы права в сфере противодействия преступности и т.д.? Заслуга соискателя в том, что он обобщил несброшюрованные мнения, обосновал необходимость опоры правоохранительной деятельности на целый круг источников, попытался выявить и заявить интегральные свойства данного комплекса и спрогнозировать перспективы его развития. В этом мы усматриваем **актуальность** диссертации К.В. Ображиева.

Научная состоятельность темы исследования подкреплена в целом логичным **планом**: вначале автор уточняет общетеоретическую базу предстоящего отраслевого анализа (раздел I), затем обосновывает необходимость расширения круга формальных источников именно уголовного права и подробно характеризует его компоненты (раздел II), наконец, оценивает системно-структурные свойства новообразования (раздел III). В нашем представлении, изъян в построении плана диссертации один: строго по названию и по содержанию заметен повтор материала в § 2 главы II и разделе III, где обсуждается свойство системности источников уголовного права. Даже если же допустить мысль, что в первом из названных выше структурных компонентов диссертации речь идет о «внутренней» системе отдельных источников, а во втором – о свойстве системности всего круга источников, то и в таком случае третий раздел работы надлежало назвать «Универсальные свойства комплекса источников уголовного права и его перспективы» (с учетом содержания и названия главы II данного раздела, не нашедшего отражения в употребленном названии).

Ознакомление с текстом диссертации и автореферата к ней убеждает, что избранная К.В. Ображиевым проблема оказалась ему по плечу, что подтверждается: а) фронтом и глубиной анализа проблемы; б) чинностью поставленных задач и методичностью их реализации; в) объемами задействованных источников и оцененных точек зрения; в) четким различием объекта и предмета исследования; г) обоснованием аналитического инструментария; д) умением изысканно формулировать представительские части своего труда; е) способностью видеть пока не получившие достойного разрешения в науке и законодательстве узловые вопросы и предлагать вполне приемлемые варианты реагирования на них; ж) тактичностью заочной полемики с авторитетами отраслевой науки. Можно разделить концепцию, аргументацию и большинство выводного знания соискателя; поданы эти фрагменты труда убедительно, выдержанно, с благородным подчеркиванием тянущихся из прошлого отечественной науки генеалогических корней собственных позиций, в чем-то даже эстетично.

Совершенно очевидна **новизна** оцениваемой работы. Соискатель прав в том, что его труд – первый в части исследования целой системы формальных источников уголовного права, что он «восполняет осязаемый пробел в уголовно-правовой науке, связанный с изучением отраслевой источниковедческой базы» (с. 11-12 диссертации). Титул первопроходца автор заслужил не столько темой, сколько объемом задействованной информации, нестандартными подходами к ее разработке, введенными в оборот науки понятиями и конструкциями, свежестью полученных результатов. Таковы, в частности: а) объявление системности всего круга источников отрасли; б) выделение интегративных свойств данной системы; в) показ зависимости данной системы от детерминант внешней среды; г) обсуждение тенденций развития и перспектив расширения круга источников отрасли; д) формулирование предложений по законодательному закреплению системы источников уголовного права (в Заключении, с. 498-501).

По установившейся традиции защит, подкрепляемой рекомендациями ВАКа, теперь оппонент стоит перед тоскливой и мало полезной для полновесной защиты необходимостью пересказа содержания всех глав и параграфов. Выполним данную рутинную работу предельно кратко, ибо находим более важным для аттестации проделанной диссертантом работы критический разбор самых важных позиций, к которым автор возвращается несколько раз, в различных структурных частях своего детища.

Свидетельствуем для членов диссертационного Совета Д 170.001.02 при Академии Генеральной прокуратуры РФ, что в **первом разделе** диссертации, как это и объявлено в плане, К.В. Ображиев обстоятельно, квалифицированно и последовательно представил: 1) взгляды теоретиков общей юриспруденции (Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, С.И. Вильнянского, С.Л. Зивс, Д.А. Керимова, С.Ф. Кечекьяна, М.Н. Марченко, Г.И. Муромцева, И.Б. Новицкого, О.В. Тарановского, А.Ф. Шебанова и др.) на форму и источник права; 2) мысли адептов системного подхода (В.Г. Афанасьев, Л. Фон Берталанфи, И.В. Блауберг, А.А. Богданов, М.С. Каган, В.Н. Садовский, А.И. Уемов, Б.Г. Юдин и другие) по поводу его приложения к сложноорганизованным объектам действительности и сожаление, что «современная уголовно-правовая наука только приступила к исследованию системы формальных источников уголовного права» (с. 54); 3) связь формальных источников уголовного права с его предметом, состоящим из 3-х групп общественных отношений, для воздействия на которые текста УК РФ объективно не достаточно (с. 68-76); 4) постулат, что «полноценными» юридическими источниками нашей отрасли служат акты, содержащие и учредительные, и дополнительные уголовно-правовые нормы (с. 81); 5) три вида бланкетности и заявил, что при любой из них «содержание уголовно-правовой нормы не исчерпывается предписаниями УК РФ» (с. 85); 6) жесткое утверждение, согласно которому «если уголовно-правовая норма не имеет... формы выражения в одном правовом акте, а объективирована в нескольких правовых актах, то каждый из них должен считаться юридическим

источником соответствующей уголовно-правовой нормы» (с. 90); 7) мнения отечественных правоведов (С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, Т.Н. Данцева, С.А. Дробышевский, А.В. Мадьярова, Е.Г. Потапенко, Б.Н. Топорнин, Б.В. Яценко), что помогло выявить диалектические противоречия, например, между стабильностью и изменчивостью уголовного закона (с. 110-111).

Во **втором разделе** диссертации К.В. Ображиев представил свое видение правотворческих и казуальных источников уголовного права, признал идею их «множественности» непростым вопросом (с. 129), а Конституцию и генетическим, и формальным источником нашей отрасли, попутно призвав к закреплению в Основном законе страны принципов уголовного права (с. 156-158). Автор признает источниками уголовно-правовой отрасли именно международные договоры, а не «общепризнанные принципы и нормы международного права» (§ 2 главы I), и отказывает в подобном статусе международным обычаям (с. 161). Диссертант объявляет Уголовный кодекс основным юридическим источником отрасли, поскольку наша страна развивается в традициях континентального права, да и ч. 1 ст. 1 УК РФ на это намекает (с. 189). Но в силу того, что для регулирования уголовно-правовых отношений используются не только УК, но и другие федеральные законы, «представляется возможным говорить о системе уголовных законов», в которую входят: собственно УК; оперативные уголовные законы; ФЗ с поправками в УК; сохранившие ультраактивную силу упраздненные кодексы прошлых лет; постановления нижней палаты парламента об амнистии; подзаконные уголовно-правовые акты (с. 193-213). Элементом системы формальных источников уголовного права признаются и нормативные акты иных отраслей права – в том случае, если в них содержатся бланкетные признаки или термины (§ 4 главы I): «при бланкетной конструкции уголовного закона уголовно-правовая норма может рассматриваться как системное образование, объединяющее собственно уголовно-правовые предписания с неуголовным нормативным материалом, «имплантированным» в уголовно-правовую норму» (с. 225). В тексте работы

выделены 4 группы предписаний, требующих подкрепления уголовной ответственности посредством неуголовных источников (с. 239-244).

Разумеется, самой дискуссионной частью монтируемой автором системы формальных источников уголовно-правовой отрасли служат судебные решения, чему он посвящает вторую главу центрального раздела. Соискатель ставит задачу разграничения нормотворчества и официального толкования закона (с. 253), по итогам чего заявляет: а) «установление общеобязательных правовых положений, не выводимых из существующих законодательных предписаний, не может считаться толкованием правовых норм, а представляет собой ... правотворческую деятельность» (с. 257); б) выработанные судом общеобязательные положения... при наличии пробелов в законе... имеют нормативный характер» (с. 258); в) «общеобязательное решение суда высшей инстанции, в котором преодолевается смысловая неопределенность закона, ... имеет нормативную природу» (с. 259); г) «установленные в судебных решениях общеобязательные положения, которые не выводятся из закона, а конкретизируют существующие правовые нормы и обладают нормативной новизной, имеют правотворческий характер» (с. 260) (§ 2 главы I).

В деятельности Конституционного Суда РФ соискатель усматривает не только «негативное» (с. 261-270), но и «позитивное» или «нормативно-интерпретационное» правотворчество (с. 270-273). Его решения «выступают в качестве своего рода «предохранителя», который срабатывает в системе юридических источников уголовного права при возникновении в ней «сбоя» субординации, «выключая» из нее неконституционный правовой акт» (с. 278), или придавая им новое «конституционно-правовое звучание» (с. 280). Применительно к решениям международных судов автором предложен дифференцированный подход: вердиктам Международного суда ООН и международных трибуналов ad hoc отказано в статусе источника уголовного права (с. 283), а к решениям Европейского суда по правам человека отношение противоположное (с. 286). Доводы убедительны и достаточны.

Положительный ответ дан и по поводу актов толкования УК РФ Пленумом Верховного Суда, ибо «подзаконное нормотворческое развитие уголовного закона» усилиями последнего давно превратилось в «регулярную функцию» (с. 329). В подтверждение в тексте приведены многочисленные примеры.

Третий и последний раздел диссертации состоит из 2-х глав, посвящен поиску общих характеристик выделенного круга источников уголовного права и перспективам его развития. Утверждается, что система источников отличается синергетичностью (с. 348), адаптивностью (с. 352) и гомеостатичностью (с. 354). Она одновременно: иерархична, сложна, централизована, управляема, динамична, инерционна и открыта (с. 356-364). Автор доказывает, что на систему источников уголовного права России действует сразу несколько внешних детерминант: континентальная правовая семья (с. 367), система юридических источников российского права (с. 370), юридическая практика (с. 377), отраслевая наука (с. 378), политика в целом (с. 383). В работе система источников оценивается с точки зрения внутреннего структурирования: 1) *субординационные (иерархические) связи*: Конституция → решения КС РФ → международные договоры → постановления ЕСПЧ → уголовные законы → постановления Госдумы об амнистии → неуголовные федеральные законы с уголовно-правовым содержанием → постановления Пленума ВС РФ (с. 392-409); 2) *обратные связи* (с. 410-413); 3) *горизонтальные координационные связи* (с. 413-416).

Определяя направления развития изучаемой системы источников, автор отвергает варианты: а) институциональной кодификации (принятие отдельно от УК РФ Кодекса уголовных проступков и Военно-уголовного кодекса, а также ФЗ об уголовной ответственности несовершеннолетних) – с. 424-428; б) включения уголовно-правовых запретов в регулятивное законодательство (с. 433-434); в) дополнения федерального уголовного законодательства региональным (с. 437). Отдельно в работе рассматривается возможность изменения системы источников уголовного права за счет внутренней перестройки ее координационных и субординационных связей (§

2 главы 2 последнего раздела). Показана прогрессирующая деформация УК РФ как центра всей системы (с. 443), вследствие чего происходит «перераспределение сил» (с. 454), т.е. повышение роли КС РФ (с. 446) и постановлений Пленума ВС РФ (с. 450) в сфере уголовно-правового регулирования, поддержана идея о придании уголовному закону статуса ФКЗ (с. 460-464). Наконец, в последнем параграфе сочинения К.В. Ображиев подмечает как недостатки действующего УК те его положения, которые препятствуют расширению круга источников уголовного права, призывая ликвидировать «разрыв между фактически применяемыми и официально признаваемыми источниками уголовного права» посредством легализации новых видов (с. 471). Для этого предложено внести изменения в Конституцию и один из ФКЗ, принять ФЗ о нормативных правовых актах РФ, объявить иерархию источников (с. 478), вести в текст УК коллизионные нормы разных источников (с. 481) и другие поправки (с. 498-501).

В целом заверяем членов диссертационного Совета Д 170.001.02, что текст рецензируемого труда выстроен в полном соответствии с планом, что содержание каждого параграфа, главы и раздела – созвучно заглавиям этих структурных частей, что грубых противоречий между взглядами на общую проблему, изучаемую по выделенным сегментам, не обнаружено, что выводное знание, зафиксированное в Заключение и положениях на защиту, действительно вытекает из содержания работы.

Оппонент считает своим долгом и обязанностью обратить особое внимание членов диссертационного Совета на **самые удачные места**, на многочисленные подвижки теории уголовного права, сотворённые соискателем в процессе и по итогам работы над темой. В них содержится значительный экстракт новизны, светится личный вклад К.В. Ображиева в науку, а достигнуты они достоверным образом – с применением адекватных методов, при благородной опоре на труды предшественников и на солидном эмпирическом материале. К таковым результатам мы относим:

1. Впервые в юридической науке России диссертант: а) выделил, аргументировал и прокомментировал три базовых характеристики системы формальных источников уголовного права (синергетичность, адаптивность и гомеостатичность), а также такие ее свойства, как иерархичность, сложность, централизованность, управляемость, динамизм, инерционность и открытость (первая глава раздела III диссертации); б) назвал и показал в действии 6 внешних детерминант для круга источников уголовного права (§ 2 главы II раздела III); в) «разобрался» с видами связей, действующих в системе источников уголовного права – субординационные, обратные и координационные (§ 3 главы II раздела III);

2. Очень удачно смотрятся следующие положения диссертации, которые вынесены на защиту: а) № 1 – о расширенном понимании правовых норм, входящих в источники уголовного права (помимо норм-правил плюс учредительные и дополнительные нормы); б) № 3 – о группе диалектических противоречий, служащих предпосылками возникновения и развития формальных источников уголовного права: между абстрактностью закона и его направленностью на регулирование конкретных задач; между требованием стабильности закона и динамизмом общественных отношений; между узкой специализацией УК и неизбежностью его интеграции в мировое или региональное право; между глобальными и национальными интересами. в) № 4 – о необходимости «конституционализации» уголовно-правовых норм из-за их повышенной репрессивности; г) № 6 – об объективных пределах кодификации уголовного законодательства (о необходимости расширения круга источников уголовного права, ныне легально ограничиваемого только текстом УК РФ); д) № 8 – варианты позитивного правотворчества Конституционного Суда РФ в уголовно-правовой сфере; е) № 17 – предложение о переводе УК РФ (пусть и нового) в статус ФКЗ.

3. Показательно и здорово, что 24 статьи соискателя опубликованы в 16 ведущих рецензируемых научных изданиях, указанных в перечне ВАК, за 11 лет. Этот «разброс» и солидные временные параметры свидетельствуют о

том, что диссертант работал над темой постоянно и долго, что его статьи интересны для любой аудитории, ибо их принимали различные издания, в том числе ведомственной подчиненности.

4. Каждая глава (с. 64-66, 126-127, 248-251, 344-346, 416-419, 494-497) или параграф (с. 94-96, 187-189, 279-280, 310-312, 364-366, 386-388, 440-442, 464-467) работы завершается выводным знанием, что не есть простое накопление первичных итогов, ибо дисциплинирует автора и позволяет любому читателю контролировать исследовательский процесс.

5. Работа написана не просто грамотно, а изящно. Ее оформление никаких нареканий не вызывает. Авторская аргументация логична, последовательна и обоснована. Литература, использованная при написании диссертации, достаточно полно отражает проблематику поднимаемых в ней вопросов.

И на Солнце бывают пятна, и архиерей чихает, и в квалификационных сочинениях будущих докторов наук бывают погрешности и упущения. По давно установившейся и правильной традиции организации полновесных защит диссертаций пришло время вопрошать, указывать, возражать, объявлять о недоумениях рецензента. При формулировании критической части своего отзыва оппонент исходит из тех предположений, что претензии претендентам на присвоение высшей ступени научной квалификации полезно концентрировать на понимании соискателем концептуальных устоев отраслевого знания (при отсутствии которых работа не была бы допущена Советом к защите), что частных промахов на данном рубеже научной производительности обычно не бывает (взгляды, позиции и предложения соискателя ученой степени доктора юридических наук вынашиваются, осмысляются, даже переоцениваются и письменно объявляются товарищам по цеху после десятилетий дотошной проверки их состоятельности), а если они и присутствуют, то на развитие доктрины никак не влияют, порождая лишь чувство досады у соискателя и его научного консультанта. In concreto:

1. Константин Викторович навел мыслительный порядок на одной из стартовых ступеней отраслевой юриспруденции. Нет, он не первопроходец, который обнаружил в недрах совершенно неведомые знания; он собрал воедино несколько относительно обработанных фрагментов генетически близкого материала и свел их воедино, привел в систему, а попутно еще и провел их дополнительную огранку. За что ему честь, хвала и ученая степень доктора юридических наук. Его предмет исследования жестко определен в названии, цели и задачах исследования, он вполне достаточен для докторской ступени, но... Величайший эстет русской литературы серебряного века князь П.А. Вяземский как-то иронично сострил: «увидим ли мы когда-нибудь издание исправленное и убавленное, а не дополненное». Оппонент столь же мечтательным образом вопрошает: увидим ли мы когда-нибудь цельное исследование о содержательных (первичных, социальных, действительных), а не формально-юридических источниках уголовного права. Эта задача была бы вполне по силам нашему соискателю.

2. По сложившейся научной традиции (во всех отраслях и в общей юриспруденции) автор относит к *источникам* права (курсив наш – А.Б.) письменные формы его существования (проявления, объективации), то есть законы и подзаконные акты. Появляется известный каверзный вопрос: что первичнее и важнее – яйцо или курица, форма либо содержание? Из источника берут исходный материал для его дальнейшего использования; но обработанный материал не может считаться источником того сырца, который дал ему жизнь. И прилагательное «формальный» (источник) ситуацию не спасает. Наверняка следует говорить и писать, имея в виду законодательство, Конституцию, международные договоры *ets*, об источниках *уголовной ответственности*, а не *уголовного права*.

3. Из предыдущего ряда оспариваемое нами положение диссертанта о том, что к числу источников уголовного права относятся т.н. «оперативные уголовные законы», которые, «впрочем, не могут применяться в отрыве от УК РФ» (с. 30 автореферата + положение № 6 на защиту). Если вести речь о

базовом № 64-ФЗ – «О ведении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации», то Уголовный кодекс не может без него применяться; УК – *приложение* к «оперативному» № 64-ФЗ, который работает как акушерка, дает жизнь новому монографическому закону и упраздняет (признает утратившим силу) его предшественника.

4. В положении № 15 на защиту и в авторской трактовке новизны работы (с. 20 диссертации) особым образом подчеркивается мысль, что сложившаяся система формальных источников отрасли оптимальна и потому не нуждается в расширении. Такая позиция перекликается с ироничным высказыванием одного из президентов США, согласно которому «все сторонники абортов – люди, уже успевшие родиться» (Р. Рейган). К.В. Ображиев своей работой как бы возглавил поход за расширение круга источников уголовного права, пока легально ограниченного в УК только его текстом. Он обозначил границы нового ареала и объявил: этого хватит; мне – можно расширять, остальным – нельзя.

5. В диссертации многократно, как рефрен, звучит мысль о дополнительной «конституционализации» уголовного права по причине его репрессивности – для «укрепления прав и свобод личности в сфере борьбы с преступностью». Отсюда: а) Конституцию, несмотря на ее «генетическую» роль, предлагается считать формальным источником уголовного права (с. 156); б) рекомендовано включить в текст Конституции отраслевые принципы виновной и личной уголовной ответственности, а также расширить формальные границы принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) за пределы стадии назначения наказания (положение № 4 на защиту, с. 14-15 диссертации); в) по авторской конструкции, перемещение уголовно-правовых достижений в текст Конституции допустимо «только в том случае, если регулируемые ими отношения попадают в зону «пересечения» предметов уголовно-правового и конституционно-правового регулирования» (§ 1 главы I раздела II диссертации, с. 27 автореферата); г) но, будучи перенесенными в текст Основного закона, положения УК, «являются

конституционными лишь по форме своего выражения, оставаясь при этом уголовно-правовыми по содержанию» (с. 156 диссертации, с. 27 автореферата).

Возразим: а) отнесение Конституции к числу формальных источников всего лишь одной из отраслей заведомо снижает социально-политическую и юридическую значимость Основного закона; он есть идейный источник отраслевого законодательства. В противном случае можно договориться и до того, будто Конституция принималась для совершенствования уголовно-правового регулирования или для складирования идей по борьбе с преступностью; б) похожим образом упречна мысль, что Конституция служит формой выражения уголовно-правовых норм, что она «выполняет функцию источника бланкетной части ряда уголовно-правовых норм» (с. 156); в) отдельные идеи по борьбе с преступностью, первоначально выработанные отраслевой доктриной, попадают (могут попасть) в текст Основного закона не по причине пересечения предметов двух отраслей, а лишь при условии межотраслевой поддержки, достижения каким-либо нормативом уровня общеюридической идеи. Именно так произошло с принципами законности и *non bis in idem*, нормами о выдаче преступника, обратной силе закона, сроках давности, понятием состава преступления как универсальной конструкции ответственности и пр., первоначально рожденными в чреве уголовно-правовой юриспруденции и практики борьбы с преступностью.

6. Рассматривая международные договоры как разновидность источников уголовного права, соискатель последовательно утверждает, что: а) в качестве таковых могут выступать как самоисполнимые, так и несамоисполнимые конвенции; б) первые не требуют имплементации в текст УК, вторые – требуют; в) положения международных договоров могут действовать непосредственно в тех случаях, когда они не связаны с криминализацией деяний (на вопросы пенализации это не распространяется) и когда УК РФ содержит прямую отсылку к международным договорам; г)

конвенционные нормы имеют иерархический приоритет перед национальным УК в том смысле, что они либо обязывают национальный парламент произвести изменения в криминализации деяний, либо применяются напрямую, т.е. без данного условия (§ 2 главы I раздела II диссертации, с. 28-30 автореферата).

На наш взгляд, не все эти положения можно принять. Либеральный угар 90-х годов прошлого века (о примате международного права над внутригосударственным, о принципе прямого действия космополитических стандартов на суверенной территории) национальная юриспруденция уже пережила. Катализатором данного процесса выступила практика «двойных стандартов» западного мира и тенденциозные решения ЕСПЧ (особенно – по делу ветерана войны Кононова из Латвии). Любые конвенции по борьбе с преступностью нуждаются в двойной фильтрации: вначале – процедуры ратификации, затем – инкорпорации в текст УК РФ. Дорога зарубежным и международным антикриминальным достижениям не закрыта: только пусть решение об этом принимают депутаты, а затем подкрепляют свой вердикт технической инкорпорацией новеллы в собственный УК. Так мы и суверенность российской власти обеспечим, и сохраним в неприкосновенности то благородное по отношению к гражданам положение, когда все правила по борьбе с преступностью собраны в одном акте (максимальная доступность для населения и невозможность мыслей, будто «распылением» правил по борьбе с преступностью в нескольких нормативных актах власть намеренно создает препоны для знания содержания запретов и выборочного их применения), и высокое качество перевода иноземных текстов на русский язык гарантируем.

7. Особый разряд нареканий рецензентов в адрес чужих рукописей составляют сетования по поводу отсутствия в них тех положений, которые хотелось бы видеть критику, но которыми автор побрезговал предположительно по тому соображению, что они не относятся к несущим конструкциям выстроенного научного здания. И это его право. В

юриспруденции игнорирование попутной, но не критичной информации именуется **упущенной выгодой**. Она менее упречна, чем выдвинутые выше замечания, содержит большой привкус пожеланий, выглядит как здравый дополнительный вопрос, служит развитию выдвинутых положений. Укажем лишь одну подобную претензию: ратуя за расширение круга источников уголовного права, диссертант не стал обсуждать, как эта практика сочетается с идеей разделения властей. А ведь она царствует по-прежнему в сфере управления и в наиболее жесткой форме адресуется именно сфере борьбы с преступностью. Если легализуем другие мыслимые источники уголовной ответственности, принимаемые не парламентами, где гарантия, что они «помогут» закону?

Трафаретный для оппонентских отзывов **переход** от упреков к представлению окончательного приговора по диссертации («отмеченные недостатки не снижают в целом положительной оценки рецензируемой работы») в нашем случае совершенно уместен и справедлив. Конусируя заявленные в отзыве достоинства и упущения оцениваемой работы, заявляем, что в целом мы имеем дело с самостоятельным творческим исследованием актуальной темы, что цель и задачи диссертации выполнены, что по ходу анализа автор показал умение обстоятельно и методически правильно решать болезненные вопросы, что итоговые положения и выводы базируются на солидном теоретическом и эмпирическом материале, что присутствует несомненная новизна в постановке и разрешении проблем, что итоги работы прошли надежную и своевременную апробацию с тем, чтобы профессиональное сообщество криминалистов смогло заблаговременно познакомиться с основными подходами и результатами поиска, что автор доказал свое право на признание себя научной средой в качестве состоявшегося ученого в сане доктора юридических наук. Весьма информативны, наглядны, убедительны и полезны для лучшего усвоения текстового материала Приложения к диссертации (с. 567-587).

В обязанности оппонента входят, помимо прочего, прямые ответы на самые главные вопросы, оттеняющие состоятельность претензий соискателя на научное признание его труда. В этом свете заверяю членов Совета, что 1) **степень обоснованности и достоверности** научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в тексте диссертации и автореферата к ней, вполне достаточна. 2) **Личный вклад** К.В. Ображиева в разработку проблемы источников уголовного права и попутных вопросов бесспорен уже по той причине, что он первым на монографическом уровне занялся этой темой, а в самой диссертации заявил, обсудил и представил собственное мнение по значительному числу аспектов проблемы. 3) **Эмпирический материал** по теме исследования теоретической направленности весьма представителен (опрошено 499 специалистов уголовного права и 517 граждан), а к мнениям респондентов диссертант обращается постоянно, всегда к месту и в меру. 4) Социологические данные отвечают требованию **репрезентативности**, поскольку опрашивались и судьи, и сотрудники правоохранительных учреждений, и вузовские преподаватели, и обыватели. 5) Текст **автореферата** полно и без искажений передает содержание самой диссертации. 6) По своему содержанию диссертация полностью соответствует заявленной **научной специальности**. 7) Находим, что рецензируемая диссертация является самостоятельным завершённым исследованием важной для общественно-политической жизни страны проблемы, имеющим прорывное значение для отраслевой науки и, отчасти, всей юриспруденции.

Итожим: по всем аттестационным показателям (актуальность очевидная новизна темы, самостоятельность исследования, подходов к ее разработке и вынесенных на защиту положений, состоятельность избранной методики анализа, уверенно прогнозируемые научное и практическое значения полученных результатов, убедительная апробация взглядов соискателя в научной среде до защиты диссертации) рецензируемый труд соответствует требованиям Положения о порядке присуждения ученых

степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., № 842, в силу чего имеет право на признание и поддержку в профессиональном сообществе криминалистов. Это обстоятельство, а также продемонстрированное автором умение видеть проблемы, двигаться к их разрешению и формулировать выводное знание сообщают нам решимость рекомендовать специализированному Совету Д 170.001.02 при ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», присудить Константину Викторовичу ОБРАЖИЕВУ за работу «Система формальных (юридических) источников российского уголовного права» ученую степень доктора юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

Официальный оппонент,
заведующий кафедрой уголовно-правовых
дисциплин Южно-Российского института управления-филиала
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации», доктор
юридических наук, профессор

Александр Иванович Бойко

«24» марта 2015 года

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70
Телефон: 8 (863) 203-63-39
E-mail: upd@uriu.ranepa.ru